

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

DOI: 10.18287/2542-0445-2017-23-4-59-68

И.В. Саморукова*

ПАМЯТНИК ВЕЛИКОМУ ПЛАНУ: ТЕМА ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

В статье рассматривается формирование советского канона рассказа об энергетике и электрификации в художественных и документальных повествованиях. Доказывается тесная связь такого рассказа с советским пропагандистским проектом и методом социалистического реализма. Выделяются основные тематические и сюжетные компоненты рассказа об энергетике: великий замысел, прорыв, музеефикация, анализируется трансформация «энергетического канона» от «героики» 1930-х годов до «романтики» 60–80-х.

Ключевые слова: советская энергетика, социалистический реализм, повествовательный канон, героика, романтика, пропагандистское искусство.

Тему энергетике в литературе советской эпохи сложно и, кажется, невозможно отделить от так называемого «коммунистического проекта». Строго говоря, сама тема, возникшая на рубеже тридцатых годов XX века, с самого начала преподносится как пропаганда индустриализации – героического строительства мощного базиса в отсталой, местами первобытно дикой стране, в окружении коварных внешних и внутренних врагов.

Среди многочисленных текстов на героико-индустриальную тематику энергетика занимает привилегированное место, поскольку план энергетического прорыва – великий план ГОЭЛРО, разработанный по инициативе самого Ленина, – стал прообразом всех остальных грандиозных советских проектов по подъему станы [1].

Советские повествования об энергетике подчеркивают пропагандистский характер выбранной темы, спеша обозначить свое место в ряду «партийной», то есть ангажированной властью и партией литературы:

«... развернуть самую широкую пропаганду этого плана (ГОЭЛРО – И.С.), вплоть до изучения во всех учебных заведениях республики. А некоторые наши литераторы не пропагандируют выработанного плана, а пишут пустые тезисы на пустые рассуждения о том, как подойти к его выработке!» [2, с. 67].

Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, – эту ленинскую мантру знал в советской стране каждый школьник. Фигура Ленина в дискурсе об энергетическом прорыве является краеугольной на протяжении всего периода функционирования темы, то есть с начала тридцатых годов до самого конца советской власти. Чтобы приблизить коммунизм или, по крайней мере, укрепить советскую власть, необходимо припадать к ее ленинским истокам, то есть возводить новые энергетические объекты и рассказывать об этом в популярной форме в романах, повестях, циклах рассказов, очерках, биографиях отцов-основателей, вроде соратника Ленина Глеба Максимилиановича Кржижановского – революционера с инженерным мышлением и инженера с революционным прошлым [3; 4]. Поскольку эти повествования были основаны на как бы документальном материале – официальной версии индустриализации образца *Краткого курса истории ВКП (б)* (1938) – то они позиционировались как документально-художественные. Подлинная история в этих текстах преломляется через линзы идеологии. Повествования практически не отступают от пропагандистского канона. Произведения похожи одно на другое: набором персонажей, мотивами, символикой, развитием сюжета.

Советский энергетический канон конструировался по модели мифа о культурном герое. Возве-

* © Саморукова И.В., 2017

Саморукова Ирина Владимировна (samorukov@inbox.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Исследование выполнено по заказу Самарского филиала ПАО «Т Плюс».

дение ГРЭС и ГЭС ассоциировалось с подвигом Прометея, а люди, причастные этому подвигу, гордо назывались его потомками [5]. Верша титанический подвиг, потомки Прометея обуздывали стихию, чтобы поставить ее на службу революционной сознательности. Они осушали болота и укрощали бурные реки, создавали искусственные моря. Рядом с электростанциями - этими вырастали памятниками титаническому подвигу пионеров советской энергетики [6; 7] - вырастали современные города, открывались школы, техникумы и вузы.

В советской литературе любые строители энергетических объектов - от Каширы двадцатых до Братской ГЭС шестидесятых - осмысливались как первопроходцы, не столько отрасли, сколько новых путей к светлому будущему. «Лампочка Ильича» стала устойчивым символом и пропагандистским штампом, который отсылал к великому вождю и тем легендарным, воистину начальным временам, когда в далекой Саяно-Шушенской ссылке Ленин обмывал планы электрификации.

«Лучи лампочки Ильича, оказалось, обладают свойством вызывать цепную реакцию, которая привела в движение и изменила всю жизнь советской страны» [2, с. 237].

Тема энергетики в литературе советской эпохи прочно упакована в так называемый «ритуальный сюжет», цель которого индоктринация читателя коммунистическими идеями. Рассказ о строительстве электростанций (подавляющее большинство текстов повествуют именно о возведении генерирующих объектов, и редкие - об их последующей работе) базируется на «основополагающей фабуле»: герои под руководством партийного наставника выходят на светлый путь сознательного и самоотверженного строительства новой жизни, и если некоторые героически гибнут, то их пример вдохновляет других на дальнейшие подвиги [8, с. 31-47].

Эти книги не столько рассказывали, как было на самом деле, сколько воспитывали подрастающее поколение. Идеология в них превалирует над собственно энергетикой, слова - *электричество, энергия, ГЭС* - обретают метафорический и символический смысл, указывая не столько на реальный продукт, сколько на духовный импульс - мечту угнетенного человечества о светлом будущем, энергию преобразования, великую вдохновляющую идею: М. Шагинян «Гидроцентральный» (1930), Федор Гладков «Энергия» (1932-1938), Андрей Платонов «Родина электричества» (1939), Евгений Евтушенко «Братская ГЭС» (1965), Аксенов Василий «Любовь к электричеству. Повесть о Леониде Красине» (1974).

«- Не может не найтись работа в стране, где все перестраивается, где тысячи дел ждут очереди, где самое драгоценное - наша с вами энергия. Это азбука. С этим нельзя спорить» [6, с. 23].

Канон рассказа об героических деяниях энергетиков складывается в тридцатые годы. Началом формирования можно считать роман Мариэтты Шагинян «Гидроцентральный», рассказывающий о строительстве Мизингэса в Армении. Строительство гидроузла в этом замечательном романе последовательно осмысливается как символический фор-

пост советской власти, неуклонно шагающей вперед в окружении врагов:

«Пути назад нет и не будет. Строительство не сократится, не будет свернуто, - наоборот, огромные стройки начнутся по всей стране. Это единственный путь, принятый нашей партией. Трудности сами собой понятны - за граница не дает займов, кулак прячет хлеб, часть инженеров вредит - продается бывшим хозяевам, Англия и Франция готовят новую интервенцию - мало мы им наклали, еще хотят, - обострилась классовая борьба внутри нашей страны. Кулацкие подголоски смыкаются с троцкистами, предают наше дело. Классовый враг всюду зашевелился, есть он и у нас на участке. Он захочет использовать момент, чтобы ослабить, разъединить партийные силы. Требуется большая сознательность, большая бдительность с нашей стороны. Мы на большом посту поставлены партией: стройка Мизингэса - это одна из крепостей социализма, она будет питать тяжелую индустрию республики, она рабочий класс воспитывает, крестьянина воспитывает. Каждый из нас должен сейчас вдвойне, втройне напрячь свои силы...» [6, с. 194].

Герои романа считают своим долгом всячески подчеркнуть знаковый характер строительства, обозначив место возведения ГЭС дополнительными символами своего дерзания:

« Вартан и Гурген задумали в первый же выходной забраться на гору Кошку, водрузить на вершине ее, считавшейся до сих пор неприступной, огромную красную звезду и, проведя туда электрические провода, зажечь на пяти ее концах яркие лампочки» [6, с. 197].

Интеллектуалка Шагинян вписывает проект электрификации в антропологическую задачу формирования нового коммунистического человека, для которого героический самоотверженный труд становится главной жизненной потребностью:

«Тоска по неиспользованной в себе и вокруг себя силе - по труду не как заработку, а как жизненной потребности» [6, с. 23].

Так писательница обозначает главный мотив самоотверженного труда - энтузиазм. Строительство ГЭС всегда сопряжено с тяжелыми житейскими условиями - станцию возводят в диких, не обустроенных местах. Участникам энергетического проекта приходится подчинять и окультуривать природу. В этом заключается их прогрессистская миссия. В «Гидроцентраль» М. Шагинян символика миссии преподносится особенно патетически - энергетики Вартан и Гурген покоряют вершину, символически ассоциирующуюся со скалой, к которой Зевс приковал Прометея, давшего людям огонь. На этой вершине они устанавливают звезду с лампочками Ильича, рассматривая свой труд-подвиг как звено цепи, восходящей к древнегреческому титану.

Окончательно канон репрезентации оформляется к 1939 году, когда Николай Погодин завершает пьесу «Кремлевские куранты», вторую часть будущей трилогии о Ленине, создателе советского государства («Человек с ружьем» (1936-1937), «Кремлевские куранты» (1939), «Третья, патетическая» (1958)). Конец тридцатых наполнен гордос-

тью побед, перемежающихся с кампаниями разоблачения врагов. В этой атмосфере и складывается канон советского рассказа об энергетическом проекте. В этом рассказе возведение ГЭС — всегда победа, в том числе и над врагами, реальными или идейными. Подобное изображение энергетических гигантов сохранится до полного исчерпания темы, то есть до конца советской власти. Оно присутствует даже в новаторских, во многом ломающих каноническую трактовку темы произведениях, в частности, поэме Евгения Евтушенко «Братская ГЭС», созданной в период оттепели. В этом произведении грандиозная современная плотина, первый советский энергетический гигант, возведенный без участия труда заключенных, осмысливается как монумент свободным людям и символ обновленного, очищенного от скверны сталинизма социализма. Братская ГЭС — это своеобразный итог вековой борьбы человечества за свободу, и потому она свысока общается с египетской пирамидой, построенной рабами. Так рассказ о возведении очередного уникального энергетического объекта знаменует очередную веху на пути к новому обществу.

Пьеса Н. Погодина «Кремлевские куранты» интересна тем, что артикулирует основные мотивы канонического сюжета об электрификации.

1. Разруха, с которой сталкивается молодая советская власть. Стоят заводы и фабрики, замерзают города. Выдающийся инженер-энергетик Забелин, чтобы прокормиться, торгует на базаре спичками.

2. Дерзость ленинской мысли, кажущейся фантастичной в этой апокалиптической обстановке. Мечты Ленина о сильной, озаренной светом России оттеняются скепсисом западного фантаста Герберта Уэллса, который в целом сочувствует большевистской революции. Образ маловера Уэллса станет устойчивым элементом канона. Вот каким его видит Евтушенко:

Танцевали колеса и рельсы.

Окна ветром таежным секло.

«А теперь — за здоровье Уэллса!» —

кто-то поднял под хохот ситро.

И очкарик, ученый ужасно,

объяснил мне тогда, что Уэллс

был писатель такой буржуазный

и не верил он в Братскую ГЭС [11; 172].

3. Гениальность Ленина-руководителя и управленца, так сказать, «эффективного менеджера». Так в канон вводится тема интеллигенции на службе нового мира, в связи с проектом технического перевооружения представляющая как сюжет о привлечении лучших инженеров-специалистов (спецов) к воплощению ленинских планов:

«Забелин. Я счастлив, я благодарен... Это же мое призвание, которое я, стало быть, вновь обрел. И вообще каждый ученый-энергетик, если только он любит Россию, должен признать, что со времен Петра Великого ничьим умом не владели столь смелые, столь величественные идеи» [14, с. 77].

Электрификация страны в пьесе Погодина предстает как нечто большее, чем технический проект. Она есть символ — начало пробуждения России от

векового сна, как это было при великом реформаторе Петре: план Ленина — это первый шаг к возрождению великой российской державы. Так в репрезентацию привносятся имперские коннотации. С воплощением плана ГОЭЛРО в пьесе Погодина ассоциируется возобновление хода кремлевских курантов — великодержавного символа.

Рассмотрим подробнее этапы канонического разветвления сюжета об электрификации:

1. Великий замысел. Тема энергетического возрождения России предстает частью великой многовековой борьбы человечества за светлое будущее. Планы насчет роли электричества в победе коммунизма рождаются еще в головах классиков марксизма-ленинизма.

«Глебу потом, через много лет, казалось, что Старик определенно наталкивал его тогда на проблемы, связанные с использованием электричества. Штудирюя Каутского, его книгу «Аграрный вопрос», Старик понял, что электричеству, возможно, суждено сыграть в развитии общества еще большую роль, чем пару. Этому способствуют такие качества электричества, как легкость разделения мощности на части, возможность передачи электроэнергии на дальние расстояния, легкость и удобство электродвигателей по сравнению с паровыми. Глеб, быстро зажигаясь, развивая этот тезис, утверждал, что применение электричества может революционизировать деревню и технически и политически. Электрификация приведет к укрупнению хозяйств, к усугублению эксплуатации уже чисто капиталистического толка. Но впоследствии укрупнение электрических установок, считал Глеб, может ускорить и переход к иным видам собственности, переход к кооперации, не так ли?» [4, с. 136–137].

Или:

«Нам нужна электротехническая революция! — Куйбышев встал и, как бы подкрепляя эти слова, твердо опустил кулак на стол. — Федор Михайлович! Почитайте работы Маркса, Энгельса об электричестве» [2, с. 47].

Таким образом, в начале электрификации, этого великого деяния по сотворению нового мира, лежит слово, точнее, единственно верное учение. Эта идеологическая привязка вполне соответствует советской традиции всякую важную тему танцевать от печки марксизма-ленинизма, как в известном, советском же, анекдоте про студента-медика, которому на экзамене по анатомии показали два черепа. — Что вы можете о них сказать? — строго спросил профессор. Студент затруднялся, и получил наводящий вопрос: — Ну, припомните, чему вас пять лет учили? — А, понял. Это Маркс, а тот Энгельс, — озарило студента.

Главная роль в замысле электротехнической революции принадлежит, разумеется, Ленину, вдохновившему своих ближайших соратников — Г.М. Кржижановского, Л. Красина, В. Куйбышева и других многочисленных партийных деятелей разного масштаба, вроде Валерьяна Ивановича Богомолова, который по заданию партии еще в четырнадцатом году начал изыскания на подмосковных торфяных болотах Подмосковья [13, с. 7].

В художественных повествованиях причастные великому плану электрификации иногда представлены собирательными образами, вроде строителя Волховстроя Степаныча [7], видевшего самого Ленина.

«...Электрификация не цель, а средство, символ и стержень восстановления и развития всего хозяйства» [4; 266].

В этой формуле важнейшим для репрезентации становится слово «символ». Энергетические объекты позиционируются как воистину символические — они означают нечто большее, чем являются. Первые станции — Каширка, Шатура, Волховстрой — были символом набиравшей силу новой власти, ДнепрогЭС — воплощал ее торжество, Братская ГЭС — очищение от позора сталинщины, и даже Асуанская ГЭС, построенная советскими специалистами в далеком Египте, предстает как символ победы социализма над буржуазным строем [5]. В поэме Евгения Евтушенко (1965), которую открывает лирический монолог автора *«Поэт в России больше, чем поэт»*, разворачивается эпическая аналогия: Братская ГЭС тоже больше, чем просто гидроэлектростанция. Она есть символический итог борьбы за свободу, ради нее, построенной свободными людьми (не рабами и не экалами) взошел на плаху Стенька Разин, восстали декабристы, страдали петрашевцы, ее предвидел у позорного столба Чернышевский.

Некоторые тексты целиком посвящены великому замыслу электрификации, так что до конкретного изображения строительства станций в них дело не доходит, как в «Кремлевских курантах» Н. Погодина. Главное — иметь план, составленный великим Лениным, он сам по себе есть залог победы.

Роман Василия Аксенова «Любовь к электричеству», посвященный Леониду Красину, вышел в начале семидесятых годов в серии «Пламенные революционеры». Изображенные в нем события не дотягивают до Октябрьского переворота. Повествование сосредоточено на подпольной работе сподвижника Ленина Леонида Красина — яркой личности, «ответственного техника, финансиста и транспортера партии» [12, с. 382]. Красин участвует в доставке нелегальной литературы, оружия, разоблачает провокаторов. Служба в энергетической компании «Сименс-Шуккерт», скорее, выступает как прикрытие нелегальной деятельности. О великом плане ГОЭЛРО речь в романе не идет: до этого грандиозного проекта еще годы и годы напряженной борьбы. Электричество предстает в романе Аксенова чистой метафорой революционной энергии яркого человека:

«Он знает, что в нем еще сидит крепкий заряд электричества...» [12, с. 383], — говорится в финале.

Известно, что книгу о революционере Леониде Красине Аксенов писал по заказу издательства (как и ряд других авторов — В. Максимов, А. Гладилин, впоследствии ставшими советскими диссидентами). Сочинение о Красине было способом заработка. Любопытно, что шестидесятник-новатор игнорирует унылый канон рассказа о советском партийно-государственном деятеле, представляя Красина в период его дореволюционной борьбы, полной приключений и опасностей. Возможно, талантливый автор хотел сделать текст более привле-

кательным для молодого поколения, которому была адресована серия «Пламенные революционеры», пытаясь уйти от заезженной к тому времени скучной темы производственных достижений.

Важнейшим пунктом замысла электрификации является привлечение к его осуществлению выдающихся технических специалистов, том числе великих инженеров Р. Классона, Г. Графтио, А. Винтера. В связи с этим в тексты об электрификации вводятся рассуждения о новой роли *технической интеллигенции*. В своей профессии «спец» очень силен, но узко профессиональный горизонт мешает ему увидеть проблему в политическом масштабе. В политике технический специалист наивен и подвержен вредным влияниям. Здесь он толи дитя, толи импульсивный подросток. Посему нуждается в партийном курировании и руководстве.

Это руководство, в лице Ленина и его соратников, открывает интеллигенции глаза на ее место в новом мире и предоставляет конкретные возможности для реализации своих знаний и умений:

«Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу, мы платим жалование — выше среднего. Это факт» [3, с. 185].

«...Мы обязаны привлечь к электрификации именитых ученых, инженеров — «звезд первой величины», заполучить в наш ученый авангард и тех, кто еще колеблется. Я имею в виду буржуазных спецов... Работа, не сомневаюсь, их увлечет и раскроет глаза на действительность, и станут они «отчизны верные сыны»!.. Нельзя, ни в коем случае нельзя жалеть денег на высокую оплату специалистов... Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских Архимедов на свою сторону, и тогда мир, хочет не хочет, а перевернется!» [5, с. 19].

Однако высокая оплата труда специалистов — не самое главное. Ленину удастся сформировать духовную мотивацию технической интеллигенции: именно новая власть дает ей возможность реально осуществлять прогресс, что было невозможно в царской России:

«— Да что там говорить! — Глеб (Кржижановский. — И.И.) стал растирать варежками замерзшие щетки. — Водные силы у нас втуне из-за «расейской» патриархальности и полудикости. Огромнейшие природные богатства как заколдованные лежат без движения! Под землей матушки Руси — неисчислимы запасы топлива, а наши фабриканты покупают кардиффский уголь в Англии. Надо же, а?... Явный абсурд... Да! Далеко еще до электрических станций в России...» [5, с. 9].

В отношении к «спецам» Ленин изображается как дальновидный, деликатный и культурный в широком смысле слова человек, интеллигент, образец для всей советской интеллигенции. Культурный кругозор Ленина, вызывающий доверие у буржуазных спецов, по традиции, принятой в советской лениниане, маркируется любовью к музыке:

«Глеб Максимилианович появился в партере, подошел к Винтеру.

— Владимир Ильич уехал? — спросил Александр Васильевич.

— Нет, он здесь. Хочет еще послушать музыку к балету Бетховена «Творение Прометея» [5, с. 52].

Однако «спецы» должны находиться под строгим контролем партии и чекистов. Великому плану противодействуют многочисленные внутренние и внешние враги и подпевающие им вредители и малoverы. Борьба за электричество как борьба с врагами, количество которых увеличивается по мере осуществления грандиозных планов, составляет основную тему масштабного полотна Федора Гладкова под названием «Энергия» (1932–1938) [15].

От врагов энергетические объекты оберегают «чекисты». Слово «чекист» в данном случае означает не просто работника органов. Это образ. Писателю-диссиденту Андрею Синявскому принадлежит остроумное рассуждение о народных коннотациях (дополнительных значениях) слова «чекист» в полуофициальном советском контексте. Семантически «чекист» ассоциировался не столько с «чрезвычайщиной» и террором, сколько с выражением «быть начеку». И это воистину так: чекисты в литературе об энергетике всегда заранее готовы к отражению вражеских происков:

«Какая интернациональная плеяда чекистов собралась здесь! Ведь представлены все районы Союза Советских Социалистических Республик. Вон сидят украинцы в вышитых рубашках, вон — черные, загорелые представители Кавказа, донцы с чубами, среднеазиатцы в тюбетейках, казахи, — многонациональное братство» [2, с. 196] — с удовлетворением думает Г.М. Кржижановский.

Доблестные органы являются частью общей картины: образа великого плана. Образ этот прост и нагляден: карта электрификации страны, на которой лампочками горят точки строительства будущих станций. Восьмой съезд Советов, полутемный зал, великий вождь, водящий по этой карте указкой.

Вот она: дорожная карта строительства социализма. Остается воплощать.

2. План ГОЭЛРО реализуется в режиме героического деяния [16]. «Будни великих строек» изображаются как цепь эпизодов борьбы / битвы с природной стихией, с технической отсталостью, человеческой косностью, кознями вредителей и врагов.

Борьба и подвиги, неизбежные жертвы составляют основу «сюжета» электрификации. Они символически инвестируются в возводимый гигант, ими — героическими усилиями, подвигами и жертвами — измеряется его энергетическая значимость и мощь.

Превращение физической энергии строителей, воплощающих великий план, в «пароходы, стройки и другие добрые дела», в частности, в электростанции — важнейший мотив советской пропаганды. Сюжет о победе революционного духа над грубой неоформленной материей можно назвать своеобразной формулой [17], идейно-тематической упаковкой документально-художественных рассказов о строительстве энергетического базиса социализма.

В «Родине электричества» Андрея Платонова эта формула приобретает трагические обертона. Показательно, что рассказ, изображающий события 1921 года и представляющий собой переработку задуманного в 1926 году «Технического романа», был опубликован в журнале «Индустрия социализма»

лишь в 1939 году. Напомним, что формирование советского канона рассказа об электрификации происходит именно в это время. Однако у Платонова речь идет не о гигантской электростанции, а о кустарном сельском генераторе, работу которого голодный машинист обеспечивает своими скудными физическими силами и в конце рассказа, истощенный, умирает. Силы людей иссякают ради машины и единственной лампочки, на которую хватает ее мощности. Таким образом, человек приносится в жертву сугубо духовному и символическому акту [18, с. 20]. Очевидно, что публикаторам 1939 года жертвы, изображенные Платоновым, уже не казались столь тотальными и бессмысленными. Конец тридцатых — время победных реляций. На этом идеологическом фоне история, рассказанная Платоновым, выглядела как свидетельство стихийного стремления масс к прогрессу. Жертвы тоже происходили от этой стихии, от избыточного народного энтузиазма и недостаточного понимания роли партии и ее великих планов. Под мудрым руководством ленинских вождей героическая избыточность энтузиазма становится куда плодотворней:

«На трибуну поднялся Орджоникидзе.

— Я должен начать с критики — Легкая улыбка скользнула по его губам. — Какие же вы непослушные, товарищи!.. Мы вам говорили, что надо пустить ДнепрогЭС в тридцать четвертом году, а вы не согласились: мол, поздно, пустим в тридцать третьем... Мы сказали: «Хорошо, пускайте в тридцать третьем!» А вы опять: «Нет, не согласны, надо пустить в тридцать втором». Не подчиняйтесь вы правительству, что с вами прикажете делать?» [5, с. 123].

В романе М. Шагинян «Гидроцентральный» (1930) энергетический объект тоже создается из тел, которые инвестируют в него свою физическую силу и здоровье. Тела рабочих как бы превращаются в технику, целиком переплавляются в нее, их не назовешь придатком машины, как при капитализме, они и есть машина:

«Крестовина четырех рукояток поворачивалась, издавая особый носовой звук. Рабочие уже не занимались тем, что делалось на второй скважине, их покрасневшие лица были равнодушными, как внезапно становятся равнодушными к жизни очень тяжелые больные. Силы их мускулов перешли в движение, фосфор их мозга перешел в движение, легкая, уже привычная тошнота стояла в горле от тысячного поворота вокруг штанги, и колени, сгибаясь под прямым углом, равномерно, настойчиво, с силой вскидывались и вскидывались все в одном крошечном кругу» [6, с. 164].

Мотив трансформации человека в узлы и детали энергетической конструкции в романе М. Шагинян непосредственно связан с размышлением о цели и смысле жизни. Задача человека — выработать свой ресурс, полностью амортизироваться, превратившись в «несокрушимый бетон прошлого». Цемент, бетон, металлическая арматура — эти грубо зримые образы в литературе об энергетике превращаются в символы и метафоры овеществленной энергии масс, а возведенный энергетический объект — в памятник дерзанию.

Отчаянные подвиги самопожертвования строителей-энергетиков, как уже говорилось, являются обязательным моментом рассказа о ГЭС. Часто они представлены как «стори-теллинг» – живой рассказ о некоем происшествии в грохоте героических будней. Вот одна из таких историй, приключившаяся при возведении Волжской ГЭС:

«— Было это в зимнюю стужу. Монтировались закладные части верхних судоводных шлюзов. Блоки заполнялись последним бетоном. Торопились, чтобы не заморозить бетон. И вдруг высоко над котлованом повисла, запутавшись в стальных узлах, грузовая тележка. Что делать?.. Молодой инженер Самсонов взобрался на башню кабель-крана. Высота не меньше шестидесяти метров. Тележка — над пропастью!.. Как к ней добраться?.. Самсонов ухватился за обледеневший трос и начал ползти вниз. А трос, будто качели, раскачивался от злущего ветра. Руки у комсомольца леденели, вот-вот разожмутся пальцы и... конец! Два метра казались десятью... Полтора... Самсонов вцепился в тележку. С трудом расправил стальные узлы. Одно за другим усилием и... тележка пошла...» [5, с. 260].

Подвигам строителей присуща дерзость, героическая избыточность порыва. Они не то чтобы презирают законы природы и физики, но бросают им вызов:

«— Анатолий подбадривал ребят: «Давай! Давай!.. К Новому году нужно пускать первый агрегат!» Поднялся на мачту. За ним — остальные. Шестнадцать часов, Глеб Максимилианович, провели чернышовцы под зимним небом. Снег слепил им глаза, проникал за ворота телогреек, но дело сделали!... А в это время, понимаете, в машинном зале (тогда над ним еще не была закончена крыша) монтажники собрали статор второго агрегата. Но как его, черт возьми, перенести?.. Пурга нагнала такую темень, что не видно, куда и во что ступить... И вот такелажник Черняев и крановщик Силкин заявили главному инженеру монтажа: «Перенесем статор! Можете на нас положиться: молодость и сила возьмут!» Они двумя спаренными мостовыми кранами подняли гигантский круглый статор и через весь зал — на сборочную площадку! Посадили классически, ни на сантимент не ошиблись.

— Поистине потомки Прометея! — восхитился Кржижановский» [5, с. 261].

О денежном вознаграждении героев-строителей (в отличие от «спецов» времен ГОЭЛРО) в документально-художественной литературе о славном пути советской энергетики говорить не принято. Главная мотивация труда — энтузиазм и вера. Свой скромный заработок первопроходцы нередко отдают на нужды строительства:

«Слово “Волховстрой” для нас было почти таким же близким и родным, как слова «революция», “Советская власть” (вот так с заглавной буквы. — И.С.), “ячейка”... По ночам мы, комсомольцы, шли на вокзалы разгружать дрова — заработок шел на Волховстрой... В театрах и клубах мы устраивали спектакли, концерты и, не успев разгримироваться, тщательно подсчитывали выручку — она шла на

Волховстрой... И когда я забежал в лавку покупать молоко и хлеб, продавец спрашивал: “Сдачу дать или же волховстроевские марки?” И вместо десяти-пятнадцати копеек сдачи я бережно укладывал в карман волховстроевские марки — и мои копейки шли на строительство станции...» [7, с. 5].

Этот энтузиазм, скрытая сила народного «мы», персонифицированная собирательными «Степанычами», являлся главным условием титанического подвига по преобразованию России:

Давным-давно на месте Братской ГЭС

я проплывал на утлой оморочке
с оскоминой от стражи и морошки,
но с верою в светильниках очес.

Когда во мрак все погрузил заход,
я размышлял в преддверии восхода
о скрытой силе нашего народа,
подобной скрытой силе этих вод.

Но, озирая дремлющую ширь,
не мыслил я, чтоб вы преобразили
тюрьмой России бывшую Сибирь
в источник света будущей России [11, с. 150].

После того как стихия обуздана и враги обезврежены, рассказывать становится не о чем, остается созерцать и воспевать:

Гидростанция. Ночь. Полумрак.

На флажке полощется флаг.

Лишь в одном только зале светло,

И по этой огромной палате

Ходит женщина в белом халате,

На приборы глядит сквозь стекло.

Замечает внимательный взгляд,

Как приборы, застывшие в раме,

Будто рыбы во сне плавниками,

Чутко стрелками вдруг шевелят.

Стихотворение советского поэта Константина Ваншенкина называется «Электростанция ночью» (1957). Машинный зал изображается мирно и буднично, он сравнивается с больничной палатой, а единственная сотрудница — с медсестрой. От грохота великой стройки не осталось и следа: диковинные приборы в рамах, напоминающих музейные экспонаты, бесшумны, как спящие рыбы. Женщине в белом остается за ними только наблюдать. Все работает само собой, без сбоев и героев:

Но уносятся вдаль провода,

Меж столбами слегка провисая,

И спешат электрички, трамваи,

И ночные не спят города.

И такой разливается свет,

Что, пожалуй, сомнения нету:

Видно нашу с тобою планету

С отдаленных неясных планет...

Рождение света магически связано с погруженной в полумрак гидростанцией:

Видно добрые эти огни,

Их спокойное в мире течение,

Их летящее в небо свечение,

Гидростанция только — в тени.

На флажке полощется флаг.

Гидростанция. Ночь. Полумрак.

Концовка стихотворения, повторяющая зачин, отсылает к А. Блоку, к его знаменитому «*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*». Пафос Блока — безысходность мира, в котором нет движения, все повторяется, оставаясь на своих местах. Такая «память формы» привносит в текст К. Ваншенкина оттенок печальной иронии. Энергия (заметим, что в стихотворении это слово отсутствует) отвердевает в статичной картине. Добрые огни освещают землю, их видно из космоса. Чудо очевидно, но его источник скрыт полумраком, он изображается двумя метафорическими мазками, немым, как рыба, и скучным, как больничная палата.

Музеефикация возведенной электростанции — устойчивый мотив литературы об энергетике. Нередко повествование строится как экскурсия комсомольцев или журналистов на главный энергетический объект. Экскурсия предпринимается, чтобы лишний раз вспомнить о великом героическом периоде, причаститься энтузиазму, как в книге Л. Разгона «Шестая станция», посвященной Волховской ГЭС, не раз переиздававшейся издательством «Детская литература»:

«...Вот она! Станция лежала передо мною, знакомая до самых мельчайших подробностей. Она была точно такая, какой я ее видел на цветных обложках книг и журналов, на бесчисленных серых оттисках газетных клише, на марках, бонах, плакатах....Все было здесь, ничего не пропало, ни одного нашего рубля, ни одной нашей копейки... Они улеглись гигантским полукружием бетонной плотины, вечным гранитом стен, овалами колоссальных окон машинного зала. Сверху было видно, как с водосброса свергается стеклянная масса воды и разбивается в желтые кружева пены, в серебряный туман мельчайших брызг. Две большие баржи и приткнувшийся к ним маленьких катер стояли у гранитных стен шлюза» [7; 6].

3. Превращение электростанции в памятник великому плану является третьим обязательным элементом рассказа о великом энергетическом прорыве.

Возведенная ГЭС напоминает мемориальный комплекс, в стерильной пустоте залов которого скачуют дежурные энергетики. Они следят за автоматикой. Та, само собой, работает исправно. Сотрудники рады «случайному посетителю» и готовы рассказать ему все, что знают о станции:

«В колоссальном, почти дворцовом зале было пусто и тихо. Огромные корпуса блестели свежей краской. Сверкали начищенные вентили кранов, белая эмаль циферблатов измерительных приборов. Только по еле ощутимому, легкому, певучему звуку где-то внизу, под стерильно чистыми плитками пола, можно было догадаться, что станция работает. Молодой парень, выглядевший затерянным в звонкой пустоте машинного зала, отложил книжку и с любопытством посмотрел на меня. Наверху, у мраморных пультов, возле мозаики из многих сотен выключателей, колесиков, белых приборов, цветных лампочек, дежурили двое молодых ребят в кокетливых синих беретах. Они обрадовались случайному посетителю и увлеченно рассказывали ему о станции все, что они знали» [7, с. 6].

Что конкретно этому «случайному посетителю» следует знать, можно прочесть в очередной документально-художественной книге об успехах советской энергетики, написанной к очередной памятной дате: к пятидесятилетию комсомола, к годовщине революции, к столетию Ленина.

В шестидесятые годы суровый характер подвига смягчается до трудностей, переживаемых новым поколением «первопроходцев». Идеологическая мотивация сменяется *романтикой*, говоря современным языком, тягой к экстриму, к тому, чтобы проявить упорство, стойкость и прочие мужские качества. Гимном таких настоящих парней можно считать песню «ЛЭП 500» (1963, текст С.Гребенникова и Н. Добронравова, музыка А. Пахмутовой) — одно из немногих талантливых произведений о советских энергетиках:

*Седина в проводах от инея...
ЛЭП-500 — не простая линия,
И ведем мы ее с ребятами
По таежным дебрям глухим.
По ночам у села Покосного
Хороводят берёзки с соснами,
И с мужскою усмешкой горькою
На них мы глядим.
Сквозь таёжные зори мгlistые
Тянем к людям мы солнце чистое,
И встают зори над опорами
Под моей озябшей рукой.
Повернув выключатель в комнате,
Вы о нашем зимовье вспомните!
...Если б желтый глазок вольфрамовый
Мог пахнуть тайгой!
Нет невест у ребят отчаянных,
Только в песне порой встречаем их.
Проводов голубыми пальцами
Мы, девчата, тянемся к вам...
...А в тайге горизонты синие,
ЛЭП-500 — не простая линия...
Но пускай тот, кто не был в ЛЭПи,
Завидует нам!*

Конкретное содержание труда передается метафорой «чистого солнца». Место, где его «тянут», расположено за тридевять земель, в тайге, дикий характер которой передается густотой метафорического ряда: седины проводов, хороводом березок и сосен, синими горизонтами, очевидно олицетворяющими светлое будущее довольно расплывчатой мечты. Синие горизонты, как популярные в шестидесятые «голубые города», грезятся вдали. Как и невесты. Отчаянные ребята встречают своих суженых только в песнях. Личная жизнь приносится в жертву: нет, и ладно, о чем свидетельствует завершающее пассаж о невестах многоточие. Главное — синий горизонт. На славу безымянное «мы» обитателей сказочной страны ЛЭПи не претендует. Может быть, вместо пропагандистской «лампочки Ильича» в тексте горит «желтый глазок вольфрамовый». Если б этот обычный элемент лампы накаливания, эта бытовая вещь, могла напомнить о романтике, о тайге, о синем горизонте. Цель великой электрификации не то чтобы мельчает, но как-

то растворяется в этом неопределенно-прекрасном будущем. Будущее светло, а детали его строителей не интересуют.

Романтика захватывающего труда, представление о работе как главной сфере жизни советского человека, о стезе — с шестидесятых годов становится пропагандистским трендом и общим местом во всех сюжетах об энергетике — и в стихах, и в прозе, и в документальных очерках, и в беллетристических повествованиях. Романтиками стали изображаться все: вожди (Ленин, Красин, Кржижановский), чекисты, отдельные «спецы», почти поголовно строители и даже враги, как в шпионском «триллере» Александра Полякова «Покушение на ГОЭЛРО» [2].

Мотивация романтикой приходит на смену призывам к героизму. Надо мечтать, моделировать будущее, учиться видеть конкретнее и дальше прекрасных «синих горизонтов». В начале шестидесятых выходит фантастическая утопия братьев А. и Б. Стругацких «Полдень XXII век», в которой есть эпизод, где затрагивается вопрос об энергетике в будущем коммунистическом мире. Технический прогресс привязывается фантастами к образу глобального коммунизма, что было вполне в духе Программы КПСС, принятой на двадцать втором съезде.

Умирает видный японский ученый. Коллеги со всего мира собираются в Новосибирске, где планируют «записать» содержание мозга великого японца на некую матрицу, чтобы сохранить для человечества. Для этой операции требуется гигантская энергия, и вся Сибирь погружается во тьму, чтобы отдать мегаватты на великий эксперимент. Увы, он провалился: электричество все-таки вырубилось, а пока его чинили — великий мозг угас. Изображая достижения будущего, научная фантастика начала шестидесятых старалась держаться в рамках технологической достоверности. Особенно, это касалось энергетических источников, вроде фотонных ракет. Братья Стругацкие, как мы видим, проявляют озабоченность недостаточным вниманием к вопросу энергетике даже в середине двадцать первого века. Думайте, современники, говорят они читателю-мечтателю, и, замахиваясь на проблему бессмертия, помните об источниках энергии, необходимых для этого материалистического эксперимента. Поскольку великие планы воплотились и на всей Земле наступил коммунизм, бороться не с кем и не за что, поэтому дерзайте вширь и глубь, изобретайте новые способы генерации энергии, ибо «работать интереснее, чем отдыхать» [20].

Увы, многие советские люди не разделяли этой максимы. В неподцензурной словесности и полуфольклорных, часто анонимных текстах энергетика предстает с точки зрения так называемого населения, вечно имеющего проблемы с электричеством. Вот, например, стихотворение из «Барачного цикла» (1957) Игоря Холина, знаковой фигуры российского андеграунда, которое опубликуют только в конце девяностых.

*Пролетело лето,
Наступила осень,
Нет в бараке света,
Спать ложимся в восемь.
Пролетела осень,
Наступило лето,
Спать ложимся в восемь,
Нет в бараке света.* [21; 22]

Высокопарно-лирические размышления о смене времен года в официальных текстах энергетики не редкость. Количество грандиозных и величественных пейзажей к концу советского периода нарастает. В биографии Глеба Кржижановского, изданной в 1985 году, герой с раннего детства бредит Волгой и красотами Жигулей [4]. Однако у Холина «синих горизонтов» нет и в помине. Образ электрика в неподцензурных текстах вовсе не героический. Это прохиндей-шабашник:

*Давно, в эпоху мрачного язычества,
Огонь горел исправно, без помех, -
А ныне, в век сплошного электричества,
Шабашник — самый главный человек.
Нам внушают про проводку,
А нам слышится — про водку;
Нам толкуют про тройник,
А мы слышим «на троих». (В. Высоцкий)
Либо горький пропойца и неудачник:
Я спросил электрика Петрова:
Отчего ты намотал на шею провод?
А Петров молчит, не отвечает,
Только тихо ботами качает. (О. Григорьев)*

Большая энергетика тонула в «синих горизонтах», но к миру простого человека имела весьма косвенное отношение — о ней писали в газетах и пели по радио, ею гордились на партийных собраниях, в то время как лампочка в подъезде постоянно перегорала. Тема большой энергетики в советской литературе стагнировала вместе с советской пропагандой и фактически исчезла вместе с ней. Синий горизонт уперся в щиток бытового электросчетчика. Началось новое время.

Библиографический список

1. Сто планов ГОЭЛРО. Л.: Лениздат, 1970.
2. Поляков А. Покушение на ГОЭЛРО. М.: Издательство политической литературы, 1983.
3. Красильщиков В. В начале будущего. Повесть о Глебе Кржижановском. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1977.
4. Карцев Вл. Кржижановский. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1985.
5. Дьяков Б. Потомки Прометей. Повесть в рассказах с прологом и эпилогом. М.: Молодая гвардия, 1985.
6. Шагинян М.. Гидроцентральный. Роман. М.: Советская Россия, 1988.
7. Разгон Л.. Шестая станция. М.: Детская литература, 1971.
8. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.

9. Гладков Ф. Энергия. М.: Советский писатель, 1952.
10. Платонов А. Родина электричества // Платонов А. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1985.
11. Евтушенко Е. Братская ГЭС. М.: Советский писатель, 1967.
12. Аксенов В. Любовь к электричеству. Повесть о Леониде Красине. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1974.
13. Леонтьева Т. Вторая программа. Документальная повесть. М.: Советский писатель, 1976.
14. Погодин Н. Кремлевские куранты. Пьеса в четырех действиях, одиннадцати картинах. М.: Изд-во «Искусство», 1966.
15. Демина Е.Г. Творческая история романа Ф. Гладкова «Энергия» (образ врага) // Вопросы русской литературы. 2007. Вып. 14.
16. Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.
17. Кавелти Дж. Изучение литературных формул. // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.
18. Грязнова А.Ю. «Технический роман» и «Родина электричества» А. Платонова: тема преобразования мира // Вестник ВГУ: Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1.
19. Стругацкие А., Б. Полдень XXII век. М.: АСТ, 2016.
20. Саморукова И. Фантастика как генератор событийности: творчество братьев Стругацких и повествовательные модели российской прозы 1960–2000-х годов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2012. № 8.1 (99).
21. Холин И.С. Избранное. Стихотворения и поэмы. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

References

1. *Sto planov GOELRO* [One hundred GOELRO plans]. L.: Lenizdat, 1970 [in Russian].
2. Polyakov A. *Pokushenie na GOELRO* [Attempt at GOELRO]. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1983 [in Russian].
3. Krasilshchikov V. *V nachale budushchego. Povest' o Glebe Krzhizhanovskom. Izdanie vtoroe* [In the early future. The story about Gleb Krzhizhanovsky. Second edition]. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1977 [in Russian].
4. Kartsev V.I. *Krzhizhanovskii. Seriya «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»* [Krzhizhanovsky. Series «Life of outstanding people»]. M.: Molodaia gvardiia, 1985 [in Russian].
5. Dyakov B. *Potomki Prometeia. Povest' v rasskazakh s prologom i epilogom* [The Descendants of Prometheus. The narrative in the stories with prologue and epilogue]. M.: Molodaia gvardiia, 1985 [in Russian].
6. Shaginyan M. *Gidrotsentral'. Roman* [HydroCentral. Novel]. M.: Sovetskaia Rossiia, 1988 [in Russian].
7. Razgon L. *Shestaia stantsiia* [The Sixth station]. M.: Detskaia literatura, 1971 [in Russian].
8. Clark K. *Sovetskii roman: istoriia kak ritual* [The Soviet novel: history as ritual]. Chicago: Chicago University Press, 1981. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002 [in Russian].
9. Gladkov F. *Energiia* [Energy]. M.: Sovetskii pisatel', 1952 [in Russian].
10. Platonov A. *Rodina elektrichestva* [Homeland of electricity]. In: Platonov A. *Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. L.: Lenizdat, 1985 [in Russian].
11. Yevtushenko E. *Bratskaia GES* [The Bratsk Station]. M.: Sovetskii pisatel', 1967 [in Russian].
12. Aksekov V. *Liubov' k elektrichestvu. Povest' o Leonide Krasine. Izdanie vtoroe* [Love for electricity. The story about Leonid Krasin. Second edition]. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974 [in Russian].
13. Leontieva T. *Vtoraia programma. Dokumental'naiia povest'* [Second program. Documentary narrative]. M.: Sovetskii pisatel', 1976 [in Russian].
14. Pogodin N. *Kremlevskie kuranty. P'esa v chetyrekh deistviakh, odinnadtsati kartinakh* [The chimes of the Kremlin. A play in four acts, eleven scenes]. M.: Izd-vo «Iskusstvo», 1966 [in Russian].
15. Demina E.G. *Tvorcheskaia istoriia romana F. Gladkova «Energiia» (obraz vraga)* [Creative history of the novel by Fyodor Gladkov «Energy» (image of the enemy)]. *Voprosy russkoi literatury* [Issues of the Russian literature], 2007, Issue 14 [in Russian].
16. Dobrenko E. *Formovka sovetskogo pisatel'ia. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [Forming of Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. SPb.: Akademicheskii proekt, 1999 [in Russian].
17. Cavelti George. *Izuchenie literaturnykh formul* [The study of literary formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1996, no. 22 [in Russian].
18. Gryaznova A. «*Tekhnicheskii roman*» i «*Rodina elektrichestva*» A. Platonova: tema preobrazovaniia mira [«Technical novel» and «Homeland of electricity» by A. Platonov: the theme of world transformation]. *Vestnik VGU: Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika* [Proceedings of Voronezh State University: Series: Philology. Journalism], 2011, no. 1 [in Russian].
19. Strugatsky A., B. *Polden' XXII vek* [Noon, 22nd century]. M.: AST, 2016 [in Russian].
20. Samorukova I. *Fantastika kak generator sobytiinosti: tvorchestvo brat'ev Strugatskikh i povestvovatel'nye modeli rossiiskoi prozy 1960- 2000-kh godov* [Fiction as a generator of eventivity: the Strugatsky brothers' works and Russian prose narrative models of the 1960–2000 years]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoria, pedagogika, filologia* [Vestnik of Samara University. Historz, pedagogics, philology], 2012, no. 8.1 (99).
21. Kholin I. *Izbrannoe. Stikhotvoreniia i poemy* [Selected works. Poems and poems]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999 [in Russian].

*I.V. Samorukova****MONUMENT TO THE GREAT PLAN: THEME OF ELECTRIFICATION
IN THE LITERATURE OF THE SOVIET ERA****

The article examines the formation of the soviet narrative canon about energy and electrification in artistic and documentary narratives. The article proves close connection of this story with the Soviet propaganda project and the method of socialist realism. The study identifies the basic thematic and narrative components of the story about energy: the great idea, breakthrough, museification, analyzes the “energy canon” transformation from the “heroics” of the 1930-ies to the “romance” of the 60-80-ies.

Key words: soviet energetics, socialist realism, narrative canon, heroics, romanticism, art propaganda.

Статья поступила в редакцию 20/X/2017.
The article received 20/X/2017.

* *Samorukova Irina Vladimirovna* (samorukov@inbox.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The research is carried out under order of the Samara branch of PJSC «T Plus».